

ГЛУПОЕ ЖЕЛАНІЕ

Совѣтская сказка Л. Лагина

ОДНОМУ забойщику вдругъ стало холодно. А звали забойщика Кузьмой. Ему было сорокъ восемь лѣтъ. Онъ былъ круглый сирота. Неженатый. Между прочимъ, ударникъ.

Смотритъ Кузьма: съ чего - то ему вдругъ стало холодно? А у него на пиджакѣ оказывается большая дырка. Фу ты, напастъ какая! Надо бы починять да вечѣмъ. Известное дѣло — круглый сирота. Неженатый.

Вотъ Кузьма отправляется въ городъ. Заходить въ одну торговую точку, въ другую точку заходить, въ третью. То матерія не того цвѣта, то меньше отбѣзана на костюмъ не продаютъ.

Идетъ онъ тогда на толчокъ и довольно скоро покупаетъ не первой свѣжести пиджакъ подходящаго цвѣта, рваный. Думаетъ: пуговицы оторю, пригодятся въ хозяйствѣ, а пиджачокъ распороть можно, и будетъ заплата вдоволь.

И вотъ онъ дома распарываетъ пиджакъ, и изъ подкладки вдругъ вываливается простенное такое оловянное колечко. Поднимаетъ Кузьма это колечко съ полъ, надѣваетъ для смѣху на свой мизинцевый палецъ и самъ себя говоритъ:

— Фу ты, вотъ какая находка. Глупая. Лучше бы я хоть цѣлковый нашелъ.

Только онъ началъ внутренно улыбаться, видитъ: въ комнатѣ дымъ клубомъ клубится, изъ дыма неизвѣстный человекъ выходитъ, вытягивается во фронтъ и покорно спрашиваетъ:

— Чего, товарищъ Кузьма, прикажете?

И тутъ оказывается, что оловянное колечко на самомъ дѣлѣ не простое, а очень волшебное. Его, оказывается, только на палецъ надѣть и повернуть, какъ сейчасъ же появляется этотъ самый духъ и выполняетъ любое желаніе. Причемъ исполненіе самое срочное.

Кузьма, конечно, очень разволновался и говоритъ:

— Я тебѣ, духъ, приказываю, чтобы у меня былъ къ вечеру новый костюмъ. Желательно, чтобы тонкошерстный.

И что же? Вечеромъ на торжественномъ собраніи рудоуправленіе премируетъ Кузьму какъ хорошаго ударника костюмомъ изъ самой тонкой шерсти.

Тутъ Кузьма видитъ на практикѣ, что духъ не треплется, и снова вертитъ колечко. И сейчасъ же духъ передъ нимъ вытягивается во фронтъ.

— Чего прикажете, товарищъ Кузьма? Могу порекомендовать балбочокъ экспортный, хромовые полуботинки, то се...

— Балбочокъ — балбочкомъ, а я тебѣ, духъ, приказываю, чтобы у меня квартира стала получше.

— Есть, товарищъ Кузьма!

Только духъ въ воздухѣ растаялъ, стучится въ двери къ Кузьмѣ почтальонъ:

— Прямото повѣстку.

Смотритъ Кузьма въ повѣстку и видитъ: по лотерей ОЗЕГ выпалъ ему выигрышъ: новый домъ въ 4 комнаты со всеми коммунальными услугами. Спереди дома — веранда и палисадникъ.

Ладно. Сидитъ Кузьма въ новой квартирѣ, въ новомъ пиджакѣ, смотритъ съ веранды на палисадникъ и скучаетъ:

— Вотъ я, Кузьма, въ подходящий возрастъ пришелъ, одѣтъ неплохо, квартиру имѣю довольно подходящую, а скучно.

И опять таки вертитъ колечко.

Духъ здоровается и спрашиваетъ:

— Чего вы, товарищъ Кузьма, прикажете?

— Жениться хочу.

— Какихъ больше уважаете: молодыхъ или

посурезаннѣй? Блондинку или изъ чернавыхъ? Изъ мѣстныхъ?

— Нѣтъ ужъ! По такому случаю хорошо бы на московской на артистѣхъ поспѣлѣй, что ли.

Почесалъ себѣ духъ затылокъ, помялся малость.

— Ладно ужъ, можете не сумѣлваться.

И дѣйствительно. Черезъ два дня прикажутъ на шахту съ вывѣднымъ спектаклемъ бригада московскаго театра, и актриса изъ бригады какъ Кузьму со сцены увидѣла, такъ и влюбилась.

Конечное дѣло, поженились.

Сидитъ Кузьма послѣ работы съ женой въ новомъ домѣ, на палисадникѣ черезъ окошко смотреть, пиджакъ на немъ новый крѣпко складку держитъ, и опять ему грустно... Вотъ жена у него и спрашиваетъ:

— Олегъ (она его изъ Кузьмы въ Олега подѣлала, чтобы красивѣй), чего ты грустишь?

— А мнѣ оттого грустно, что я круглый сирота и что моимъ бѣднымъ престарѣлымъ родителямъ въ гробу не видать, какой я хорошей сейчасъ жизнью живу.

— А ты поверни колечко.

Повертитъ Кузьма колечко, духъ приказъ вы-

слушаетъ, попроситъ два дня сроку, а на третій день поутру являются его родители съ чемоданчикомъ и стучатся въ новый домъ. Они, оказывается, въ восемнадцатомъ году не умирали, а около Ташкента, когда за хлѣбомъ ѣздили, застряли, да и такъ и не собрались до сей поры вернуться домой.

Ну, конечно, радости было много: выпилъ, закусили. Мамаша около печки возится, пироги печетъ съ грибами, съ гусиными потрохами, съ яблоками. Красота! Отецъ у окошка сидитъ, газетъ читаетъ, чай пьетъ съ вѣшневымъ вареньемъ.

Пошла тутъ у Кузьмы не жизнь, а сплошная масленица. Что ни день, то пироги. Черезъ жену все время безплатно коптрамарка въ театръ. Радио играетъ. Персональной машиной Кузьму премировали за отличную работу. Другой бы на его мѣстѣ, врачъ какой-нибудь, все вертѣлъ бы да вертѣлъ бы колесо и всякого добра набиралъ. А молодая жена и престарѣлые родители ему говорятъ:

— Намъ, Олегъ, пабирать барахла не къ чему. Разъ ты отличникъ, тебѣ заработокъ хороший идетъ. Смотришь: рудоуправленіе премируетъ, етъ, трестъ. Нечего намъ духа безпокоить. Не верти зря колечко.

Вотъ какъ-то Кузьма въ забой работаетъ, молотокъ у него вродѣ пулемета трещитъ, уголь весело падаетъ, и его отвозятъ вагара. А тутъ сбоку, смотреть, крѣпильщикъ скучаетъ. Его Николаемъ звали — крѣпильщикъ.

— Милый Коля, — говоритъ Кузьма, — чего ты, дорогой, скучаешь?

— Ахъ, да какъ же мнѣ не скучать, дорогой Кузьма. Я пятый день председатели шахткома угольщиковъ никакъ добиться не могу. Дель въ шахтѣ провозишься, какъ подминешся вагара, пока въ банѣ помоешься, подзакусишь, то, се, а председатели уже и нѣтъ. И секретари не видно.

А Кузьма свѣтаетъ:

— Это мнѣ, — плавное дѣло. Хочешь, я тебѣ его сейчасъ сюда въ забой доставлю?

Конечно, крѣпильщикъ Николай со всей душой согласился.

Сказано — сдѣлано. Кузьма колесо повернулъ на палецъ и видитъ: изъ штрефа проползаетъ въ забой духъ.

— Здрассте, дорогой товарищъ Кузьма. Я по васъ прямо соскучился. Чего приказать изволите?

— Я тебѣ, духъ, приказываю, чтобы сей секунду ко мнѣ сюда, въ забой, явился председа- тель шахткома моего профсоюзъ. Или секретарь. Или инструкторъ какой. Дѣло есть.

Духъ прямо побѣжалъ. Задрожалъ. Упалъ въ ноги Кузьмѣ. Пачетъ.

— Дорогой товарищъ Кузьма, проси, чего хочешь. Прикажи — индѣйскихъ словенъ на откатку поставлю. Хочешь — отбойный молотокъ подарю чистаго золота съ бриллиантами? Хочешь — я тебѣ прямо въ забой машиничную устрою съ кавказскимъ ансамблемъ? Только одного не проси: не могу я твоей просьбы исполнить. Не подѣ силу мнѣ задание даешь. Разъ онъ угольный профсоюзникъ — его въ забой не то что я, самъ дьяволъ никакъ загнать не можетъ. Не губи меня Кузьма, не подрывай моего авторитета.

А Кузьма упирается. Нѣтъ да нѣтъ, подавай ему сюда въ забой председагеля шахткома да и колесо.

Пошелъ тутъ по забойу ужасный дымъ, трескъ нестерпимый, грохотъ. Свистнулъ духъ поздравленію, заревѣлъ по-звѣриному, залазалъ по столбамъ, захрюкалъ по-свински, захрипѣлъ какъ радио и сказалъ:

— Ну, прощай, дорогой товарищъ Кузьма. Не хотѣлъ ты со мной въ дружбѣ жить, не хотѣлъ задание подѣ давать, — будь здоровъ, не помняй лихо. Больше не увидимся.

И пропалъ.

Вросился было Кузьма колечко вертѣть, смотреть, а колечка-то и нѣтъ. Засыпало его, павѣрное, породой.

Л. ЛАГИНЪ.

КОЛЯ ГОРСКАЯ.

Осеннее

Я люблю осеннихъ хмурыхъ дней тусклую, сырую монотонность... непонятна большинству людей эта моя странная влюбленность.

ПУСТЬ весна заручетъ лаской насъ перваго и робкаго прилѣта, пусть такъ яркъ красочный экстазъ пламенемъ охваченнаго лѣта;

ПУСТЬ зимы богаты чудеса: многоцѣтныя ледяныя сталактиты и прекрасныя доли и лѣса, скатертямъ снѣжными покрыты...

НО когда въ природѣ колдовство красокъ, свѣта, музыки, горнѣй, — то тогда мое все существо только отзвукъ вѣщныхъ впечатлѣній...

ОСЕНЬ таситъ яркіе огни, обнимаетъ влажной темнотой, — и вотъ въ эти пасмурные дни я одна наединѣ съ собою...

ТИХО я изъ дома выхожу и иду куда-то... безъ дорогихъ и подѣ вѣтра свистѣ я подвожу жизни неудавшейся итоги...

ВИЖУ на душѣ слѣды отъ ранъ, вижу лишь забытыхъ вереницы... и не знаю — слезы, или туманъ влагой осѣдаетъ на рѣсницы...

Я люблю осеннихъ хмурыхъ дней тусклую, сырую монотонность — потому что мнѣ тогда видѣтъ жизни всей слѣдлая обреченность...

ЮЛІА ГОРСКАЯ.

КОНЦЕРТЪ

пianista **Розы Словиной**

въ четвергъ, 21-го ноября, въ залъ Консерваторіи.
ВЪ ПРОГРАММѢ: Шуманъ, Шопенъ, Скрибинъ, Мелувъ.